

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-2-101-111

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

М.С. Шаврина¹

Введение
Вера (*īmān*) и деяние (*‘amal*) в исламе
Добрые дела и религиозный другой:
взгляд Муртазы Мутаххари
Заключение

Поступила в редакцию: 28.04.2023
Передана на рецензию: 03.05.2023
Получена рецензия: 28.05.2023
Принята в номер: 29.06.2023

Вера и добрые деяния в аспекте исламской сотериологии

Санкт-Петербургский государственный университет; shavrina.m.sv@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются вопросы исламской сотериологии в аспекте вероучения и проблематики религиозного другого. Автором рассмотрены дискуссионные вопросы соотношения веры (*īmān*) и деяний (*‘amal*) в исламе и сотериологическая концепция иранского мыслителя Муртазы Мутаххари, в центре которой находятся немусульмане и их добрые дела. В первой части исследования представлены классические подходы разных школ и современные позиции отдельных исламских мыслителей в контексте исследуемой проблемы. Во второй части статьи выделяются основные подходы Муртазы Мутаххари к обсуждению проблемы спасения добродетельных немусульман. Автор приходит к выводу, что сегодня эти дискуссии востребованы в контексте проблематики религиозного плюрализма, поиска способов мирного сосуществования разных религий, а также репрезентации и обоснования исламских форм сотериологического эксклюзивизма, инклюзивизма и плюрализма.

Ключевые слова: ислам, исламская сотериология, религиозный другой, межрелигиозный диалог, Муртаза Мутаххари.

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-2-101-111

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

M.Sv. Shavrina²

Introduction.
Faith (*īmān*) and deed (*‘amal*) in Islam.
Good deeds and religious other: the view
of Murtaza Mutahhari.
Conclusion.

Received: 28.04.2023
Submitted for review: 03.05.2023
Review received: 28.05.2023
Accepted for publication: 29.06.2023

Faith and Good Deeds in the Context of Islamic Soteriology

St. Petersburg State University; shavrina.m.sv@mail.ru

Abstract. The article deals with issues of Islamic soteriology and focuses on the problem of religious other. The author examines the debatable issues of the relationship between faith (*īmān*) and deed (*‘amal*) in Islam, and the soteriological conception of Iranian thinker Murtaza Mutahhari focusing on non-Muslims and their good deeds. In the first part of the study, the author presents the classical approaches of different schools and the contemporary stance of Islamic thinkers in the context of the problem under study. In the second part, the main approaches of Murtaza Mutahhari to the problem of salvation of virtuous

¹ *Мария Святославовна Шаврина* – магистр религиоведения, аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета; <https://orcid.org/0000-0001-8730-0978>.

² *Mariia Sviatoslavovna Shavrina* – Master’s degree in religious studies, postgraduate student at St. Petersburg State University; <https://orcid.org/0000-0001-8730-0978>.

non-Muslims are identified. According to the author, these approaches remain relevant in the context of religious pluralism, the need for peaceful coexistence among different faiths, and the representation and justification of Islamic forms of soteriological exclusivism, inclusivism, and pluralis.

Keywords: Islam, Islamic soteriology, religious other, interreligious dialogue, Murtaza Mutahhari.

Введение

С развитием сравнительного религиоведения и религиозного плюрализма как отдельного направления философии религии, обращенного к проблеме религиозного разнообразия современного мира, тема спасения (сотериологии) стала одной из ведущих в кругу теологических вопросов, акцентируемых в системе вероучения многих мировых религий. В настоящее время исламская сотериология является предметом научного интереса у религиоведов, философов, исламоведов и теологов. В центре внимания отечественных и зарубежных авторов находятся различные аспекты изучения исламской сотериологии, связанные с вопросами дихотомии «вера–неверие», профетологии и экзегетики Корана, концепции Бога в исламе и др. Все они нередко рассматриваются через призму представлений отдельных мусульманских теологов и мыслителей разных веков. В последнее время наибольшее внимание приковано к изучению творчества Абу Хамида ал-Газали (1058–1111), Ибн ал-Араби (1165–1240), Ибн Таймийи (1263–1328), Ибн Каййима ал-Джаузийи (1292–1350), Рашида Риды (1865–1935), Сейида Кутба (1906–1966) и др. [5; 14; 17]. В своих работах они не только рассмотрели взгляды исламских теологов и философов, но и попытались классифицировать теологические установки в отношении проблемы спасения на формы сотериологического эксклюзивизма, инклюзивизма и плюрализма.

В статье рассматриваются теоретические вопросы изучения соотношения веры и добродетели в аспекте исламской сотериологии, которые являются важной частью современного исламского дискурса в области религиозного спасения. Цель статьи – рассмотрение вопроса о месте и роли благодеяния в исламском понимании спасения [10, с. 119–120]. Материалом для исследования послужили релевантные указанной теме труды и исследования в области исламоведения и корановедения, работа современного иранского мыслителя Муртазы Мутаххари (1919–1979) «Божья справедливость», которая была опубликована в 1992 году на фарси, а в последующие годы издана на арабском [23] и английском [18] языках. При этом отдельные ее фрагменты составили содержательную основу для издания книги «Ислам и религиозный плюрализм» [19].

Вера (*īmān*) и деяние (*‘amal*) в исламе

Словарные исследования указывают на то, что к корпусу коранической лексики, связанной с обозначением самой идеи благодеяния, а также деяний, достойных (в религиозном смысле) воздаяния, можно отнести ряд слов, восходящих к следующим арабским корням:

– *х-с-н* «улучшать; добро, благо, благость; действовать должным образом и др.» [13, с. 209] (отсюда термин *хасанат* – «доброе, благое дело», «акт благочестия» и его множественная морфологическая форма *хасанāt* (добрые дела) [22, с. 339; 13, с. 210–211]. В Коране данное слово фигурирует многократно, обозначая доброе дело, акт благочестия, благой поступок (41: 34): «Не равны *доброе* и злое. Отклоняй же тем, что *лучше*»³; пользу

³ Здесь и далее фрагменты Корана цитируются в переводе И.Ю. Крачковского [4]. Ссылки на стихи Корана даются в скобках, где ссылка на соответствующий фрагмент дается через двоеточие,

(выгоду), благо, удачу (9: 50): «Если тебя постигнет что-либо *хорошее*, это печалит их»; достойную награду (16: 30): «Для тех, кто делал *добро* в этом мире, – *добро*».

– *с-л-х* «быть или становиться добрым, правым, справедливым, добродетельным, праведным» [13, с. 531]. Отсюда термин *сāлихат* – «доброе дело», «благодетельное». Его множественная форма *сāлихāt* [22, с. 339–340; 13, с. 532] также нередко встречается в Коране (2: 82): «А те, которые уверовали, и *творили благое*, те – обитатели рая, они в нем вечно пребывают» (40: 40): «...и кто *творит благое* из мужчин и женщин и верует, – те взойдут в рай и наделены будут там без счета».

– *х-й-р* «добро, быть хорошим, быть полезным и др.» [13, с. 292–293]. Отсюда термин *хайрат* – «благо, добро, благодетельное», упоминание которого также встречается в Коране (2: 148): «Старайтесь же опередить друг друга в *добрых делах!*», (3: 114): «Они спешат друг перед другом *в совершении благого*; они – праведники».

Можно выделить другие термины, с которыми в исламской литературе также нередко отождествляется идея морально хорошего или благого поступка:

– *ма'рӯф* (корень '*-р-ф* «знать, ведать»), означающий нечто одобряемое, признанное нормами и др. [13, с. 640]. В кораническом тексте (2: 263): «Речь *добрая* и прощение – лучше, чем милостыня, за которой следует обида»; (3: 104): «...и пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает *одобренное* и удерживает от неодобряемого»; (3: 114): «Они веруют в Аллаха и последний день, приказывают *одобряемое* и удерживают от неодобряемого».

– *кард* – несмотря на прямое свое значение «ссуда, займ» [13, с. 753], в богословской литературе нередко толкуется в значении «добрые деяния» (2: 245; 5: 12; 57: 11, 18; 64: 17; 73: 20). На это, в частности, указывают Т.К. Ибрагим и Н.В. Ефремова в справочнике «Путеводитель по Корану» [8, с. 502]. Схожие по смыслу толкования мы находим и в современном комментарии (*тафсиру*) к Корану, подготовленному А.Ю. Али⁴.

– '*амал*, смысловой корень которого '*-м-л* «работа, действие, деятельность и др.» [13, с. 645] является ключевым для нашего исследования, поскольку посредством него образовано выражение '*амал сāлих* (благодетельное, добродетельное), которое в своей множественной форме ('*а'мāl сāлихāt*) неоднократно фигурирует в Коране (2: 25, 82, 277; 3: 57; 4: 57, 122; 5: 9, 93; 7: 42; 10: 4, 9; 11: 23; 22: 14, 23, 50; 24: 55; 26: 227; 47: 2, 12; 103: 2 и др.). Это выражение мы обнаруживаем во многих коранических отрывках, когда речь идет о верующих в Бога людях (мусульман, иудей, христиан, сабий): «те, которые уверовали и творили *благое*» («*ал-лазйн āманū ва 'амилū ас-сāлихāt*»). Как отмечает Ф.О. Нофал, в кораническом тексте упомянутый пассаж встречается многократно – около 51 раз [6, с. 10].

Кроме того, идея благодетельности неоднократно фигурирует в Коране как в эсхатологическом, так и в сотериологическом смысле, подразумевая определенную оценку человеческим поступкам, исходя из их пользы в день Суда. В исламской традиции, как показывают современные исследования, к таким «добрым деяниям» относятся прежде всего, акты поклонения (молитва, пост, милостыня, паломничество в Мекку) и следование закону на основе предписаний Корана, Сунны и шариата [22, с. 339–340]. В то же время в исследовании японского востоковеда и исламоведа Тосихико Идзуцу (Toshihiko Izutsu) «Этико-религиозные концепции в Коране» (2002) с опорой на отдельный коранический фрагмент (2: 83) выделяются действия, признаваемых Кораном в качестве благочестивых (*сāлихāt*). Среди них: единобожие, благородное отношение к родителям, родственникам,

указывающее на главу (*суру*) и стих (*айат*). В цитатах курсив наш. – М. Ш.

⁴ Священный Коран. Смысловый перевод с комментариями Абдуллы Юсуфа Али [9, с. 129] (комм. 260); [9, с. 208] (комм. 690); [9, с. 1513–1514] (комм. 5287); [9, с. 1516] (комм. 5298); [9, с. 1572–1573] (комм. 5500); [9, с. 1643–1644] (комм. 5775).

сиротам и беднякам; доброе слово людям («говорите людям хорошее»); выстаивание молитвы, милостыня [15, с. 205].

В Коране (2: 62; 5: 69; 2: 112) идея добродетели в контексте спасения нередко упоминается, когда речь идет об уверовавших либо верующих в Бога людях (мусульман, иуде, христиан, сабий), которые совершают праведные деяния (творят добро). Такой категории людей, согласно некоторым современным исследователям и экзегетам Корана, обещана потусторонняя награда, иными словами – спасение. Например, современный исламский мыслитель Фазлур Рахман (1919–1988), комментируя в своей работе «Основные темы Корана» (2009) смысл перечисленных *айатов*, придерживается мнения о том, что их основное значение заключается в признании Кораном благодеяния, осуществляемого не только мусульманами, но и иудеями, христианами, сабиями, при условии, что совершаемые ими праведные поступки подкреплены верой в единого Бога и Судный день [20, с. 165–167].

Схожего мнения относительно вопроса о спасении добродетельных немусульман придерживается другой современный исламский мыслитель Исмаил Раджи ал-Фаруки (1921–1986) [12, с. 140–141]. В монографии «Коранический гуманизм» (2015) исламовед Тауфика Ибрагим, имея в виду авраамические религии и отдельные *айаты* Корана (5: 69; 2: 62), высказывает свое мнение, что «Коран неоднократно указывает на общие для богоданных религий три установки, которые служат надежным базисом для вечного спасения, а именно: вера в Бога, вера в потустороннюю жизнь и творение добра» [2, с. 64].

Таким образом, неоднократное указание Корана на добрые деяния в аспекте сотериологии, включая проблематику религиозного другого, фактически предвосхищает все дальнейшие теологические дискуссии. Её корни целесообразно искать в ранних мусульманских теологических дебатах о сущности веры (*īmān*). В истории исламской мысли данная проблема возникла из раннемусульманской теологической полемики вокруг вопроса о том, что делает человека мусульманином. Мусульманские теологи и правоведы спорили: следует ли в исламе понимать веру (*īmān*) и деяние (*‘амал*) как одно целое или же считать их как два разных и не всегда обязательно связанных понятия?

В соответствии с традиционалистскими исламскими представлениями составными элементами понятия «вера» (*īmān*) являются «словесное признание истинности Аллаха, его Писаний и посланников; внутреннее согласие, осознание сердцем истинности Аллаха; добрые дела, исполнение предписаний ислама, религиозных обязанностей» [3, с. 100]. Вместе с тем определение приоритетности и соотношения данных составляющих «веры» (*īmān*)⁵ нередко выступало предметом полемики среди ранних догматических школ ислама [3, с. 100]. Ф.О. Нофал, например, рассматривая категорию «вера» (*īmān*) в классической исламской теологии на основе анализа Корана и Сунны, выделяет три уровня понимания этого исламского концепта. Первый уровень обозначается «фундаментальным», поскольку в нем наличествует «понимание веры как исповедания, догматического исповедания», о чем неоднократно подчеркивается в Коране (см. 2: 285; 4: 136; 24: 62). Второй уровень постулирует сопряженность веры с деяниями человека (см. 2: 25, 82, 277; 3: 57; 4: 57, 122; 5: 9, 93; 7: 42; 10: 4, 9; 11: 23; 22: 14, 23, 50; 24: 55; 26: 227; 47: 2, 12; 103: 2 и др.). Третий уровень понимания «веры» строится на оппозиции двух понятий «ислам» и «вера» [6, с. 9–11].

Ключевым для исследования является вопрос о сопряженности веры с деяниями. Многообразие теологических оценок трактовки вопроса о соотношении веры (*īmān*) и деяния (*‘амал*) в исламе можно свести к двум парадигмам, в которых имеют место строгое

⁵ См. также [16, с. 159–203].

различение либо тесная связь анализируемых понятий. Первая парадигма, связанная со строгим различением понятий «вера» и «деяние», была характерна для последователей ранних исламских богословских и мировоззренческих школ, таких, как *мурджииты*. В основе их воззрений лежала основополагающая идея о том, что все действия человека (греховные или праведные) в своем окончательном решении не только откладывались до Судного дня, но и возлагались исключительно на волю Бога. Второй характерной особенностью *мурджиитов* было суждение о том, что все последовательно осуществляемые человеком благие действия не являются необходимым условием для того, чтобы в глазах мусульманского сообщества считаться верующим, то есть мусульманином. У последователей одной из разновидностей *мурджиизма* – *джахмиизма* (основатель и эпоним Джахм ибн Сафван (ум. 745)) понятие веры (*īmān*) сводилось к пониманию того, что это не что иное, как внутреннее согласие. В их представлении ни действия, ни словесное признание истинности Бога (Аллаха), Его Писаний и посланников не являются основными составляющими элементами веры (*īmān*) [16, с. 159]. Примат веры (*īmān*) утверждается в позиции ещё одного видного представителя *мурджиизма* – Мукатила ибн Сулаймана (ум. 767), который полагал, что до тех пор, пока есть вера (*īmān*), никакое злое деяние, будь то тяжкое или легкое, в сущности, не может причинить никакого вреда. Однако в случае с исповеданием многобожия у Ибн Сулаймана фактически нивелируется позитивное влияние любого доброго деяния, совершенного человеком [16, с. 163].

К сторонникам первого подхода, связанного со строгим различением понятий *вера* (*īmān*) и *действие* (*‘амал*), можно также отнести последователей другого направления исламской теологической мысли – *каррамиизма*, родоначальником и эпонимом которого является Ибн Каррам (806–869). Известно, что последователи этого учения сводили веру (*īmān*) лишь к словесному признанию человеком Бога, которое не было связано с определенными деяниями. Они полагали, что правоверным мусульманином можно считать всякого, кто произнес формулу «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его» [16, с. 163]. У сторонников одной из четырех религиозно-правовых школ в исламе суннитского толка – *ханифитов* (эпоним и основатель Абу-Ханифа (699–767)), действия (*‘амал*) также не рассматриваются в качестве составной части определения веры (*īmān*). Последняя, у *ханифитов*, преимущественно определяется двумя элементами, среди которых наличествует словесное признание или осознание разумом и сердцем истинности Бога (Аллаха) и Его Писаний [11, с. 35–42]. Таким образом, можно заключить, что в первом подходе деяния человека не рассматриваются в качестве формальной составляющей понятия веры (*īmān*) и не предстают обязательным условием её подтверждения.

Иной взгляд на соотношение веры (*īmān*) и деяния (*‘амал*), а именно акцент на их тесной взаимосвязанности, характерен для *хариджитов*, *мутазилитов*. Среди суннитских богословско-правовых школ (*мазхабов*) данный тезис наличествует в настоящее время в *маликитской*, *шафиитской* и *ханбалитской* исламской правовой системе. Исторически именно *хариджиты* стали первыми, кто подготовил почву для дальнейшего развития оценки человеческих деяний в исламском богословии, что наиболее ярко выразилось в их концепции греха, которая нашла своё применение в практике обвинения в неверии (*такфир*) всякого из числа мусульман, кто совершил тяжкий грех. На этом основании *хариджиты*, обвиняя в неверии, не только выводили «согрешивших» мусульман за рамки ислама, но и полагали неизбежным их вечное пребывание в аду вместе с другими неверующими [1, с. 113; 11, с. 24–26].

В позиции *мутазилитов* важной особенностью является то, что у них оба понятия трактовались в терминах религиозного послушания, а сами действия человека, особенно те, что относятся к столпам веры и деяниям, предписанным Кораном, рассматривались как

свидетельство или подтверждение его (человека) благочестия перед Богом [16, с. 159–160]. По замечанию аш-Шахрастани, *мутазилиты* также считали, что человек, являясь творцом своих поступков (хороших и плохих), в загробной (потусторонней) жизни заслужит воздаяние либо наказание в соответствии с тем, что он совершал в своей земной (посюсторонней) жизни [1, с. 55]. Эта теологическая позиция о свободе воли, отстаиваемая *мутазилитами*, противопоставляла себя детерминизму, приверженцами которого были *джабариты*. Последние объявляли истинным источником человеческих поступков не самого человека, а только Бога.

К сторонникам мнения о том, что добрые дела являются одним из неотъемлемых элементов веры (*īmān*), можно также отнести последователей суннитских правовых школ (*мазхабов*) ислама: *маликитов*, *шафиитов* и *ханбалитов*, широко распространенных в странах исламского мира. Так, *ханафитская* школа преимущественно распространена в Афганистане, Албании, Бангладеш, Китае, Центральной Турции, некоторых частях Германии и Великобритании, а также в России; *маликитская* школа широко распространена в Алжире, Ливии, Нигерии, Марокко, Северной и Западной Африке, некоторых частях Саудовской Аравии, Судане, Тунисе и некоторых частях Объединенных Арабских Эмиратов; *шафиитская* школа является доминирующей школой права в Брунее-Даруссаламе, в России (Чеченская Республика), Джибути, Египте, Эритрее, Индонезии, Курдистане, Малайзии, Мальдивах, Палестине, Сингапуре, Сомали, Судане, Объединенных Арабских Эмиратах и т. д.; *ханбалитская* же школа в основном широко распространена на Аравийском полуострове и в Саудовской Аравии [11, с. 32–34].

Ещё одним видным представителем исламской мысли с оригинальным взглядом на проблему взаимосвязи веры (*īmān*) и деяния (*‘амал*) является мусульманский правовед и теолог ‘Абу ал-Хусайн Зайд б. ‘Али (основатель и эпоним *зайдизма*). «Основой и вместе с тем венцом веры является именно действие (*‘амал*): "Аллах отказался засчитывать благое дело, [сотворенное] без веры; также и вера не засчитывается без благого дела <...> вера есть речение (*кавл*), деяние и уверенность (*тасдйк*)"», – полагал исламский мыслитель [7, с. 39].

Добрые дела и религиозный другой: взгляд Муртазы Мутаххари

Муртаза Мутаххари (1919–1979) – виднейший иранский мусульманский мыслитель-шиит, философ, просветитель, политический деятель, автор большого количества трудов в области исламской философии, вероучения, юриспруденции. В работе «Божья справедливость»⁶ [23] теолог выделяет основные аргументы, свойственные, по его мнению, современному исламскому дискурсу, затем подвергает их авторской критике. В частности, он подразделяет все исламские позиции по вопросу спасения добродетельных немусульман на две группы: на мусульман, мыслящих просвещенно и набожно. Каждой позиции, по его словам, присущ здравый и нарративный довод, опирающийся на священные тексты. Так, в здравой интерпретации мусульман, мыслящих просвещенно, добрые дела, совершаемые немусульманином, признаются содействующими спасению на основании принципа равенства всех людей перед Богом, по которому любое доброе дело (как таковое) вне зависимости от того, кто его совершает (мусульманин или немусульманин) в равной мере заслуживает потусторонней награды. В частности, иранский мыслитель пишет: «Доброе дело, будь то верующего или неверующего, хорошо по своей сути и неизбежно должно быть

⁶ В 2006 году в переводе на английский язык вышла книга «Ислам и религиозный плюрализм» [19], теоретическую основу которой составили взгляды Муртазы Мутаххари на проблему спасения добродетельных немусульман, изложенные в его работе «Божья справедливость» [23; 18].

принято Богом, поскольку добро есть благо, независимо от того, кто его творит» [23, с. 337; 19, с. 50]. В поддержку этого мнения приводятся отсылки к соответствующим кораническим фрагментам (2: 80–82; 2: 111–112; 3: 24–25; 4: 123–124; 5: 69; 9: 120; 18: 30; 99: 7–8) [23, с. 320–325; 19, с. 37–43].

Другой взгляд на проблему, согласно М. Мутаххари, имеют приверженцы строгой религиозности, которые полагают, что любые добрые деяния, совершаемые людьми из числа немусульман, не обладают никакой сотериологической ценностью. В своей основе эта позиция также имеет нарративное обоснование. Первая посылка исходит из того, что признание добродетельных трудов немусульман фактически размывает границы между верой и неверием и нивелирует значение приверженности мусульманской общине и её религиозным ценностям. Вторая посылка опирается на толкование двух аятов Корана (14: 18; 24: 39–40), которые определяют статус деяний неверующих как не содействующих спасению, ввиду того что они совершены без веры в Бога. В поддержку этой точки зрения приводятся также отсылки к авторитетным в шиизме сборникам хадисов – преданий (изречений и действий) о пророке Мухаммаде и двенадцати имамах. Это, в частности, канонический свод хадисов *ал-кафи фи 'илм ад-дин* («Достаточное о знании веры»), составителем которого является Мухаммад ал-Кулини (ум. 941): *Китāб ал-хаджжа* («Доказательство [бытия Аллаха]») и *Китāб ал-йман ва-л-куфр* («Книга о вере и неверии») и др. [23, с. 325–329; 19, с. 41–44].

Комментируя просвещенное и ригористское видение вопроса об исламском спасении для добродетельных немусульман, Муртаза Мутаххари дает следующие пояснения. Так, принимая во внимание аргумент первых касательно действия принципа исламского эгалитаризма в вопросе признания и воздаяния свыше за каждое доброе либо злое деяние, совершенное человеком из числа немусульман, иранский мыслитель считает целесообразным проводить дополнительную оценку таких деяний исходя из того, что каждое действие протекает в двух измерениях. Первое измерение касается внешнего эффекта такого действия, его социального результата в позитивном (благоприятном) либо негативном ключе для человечества в целом или для отдельного общества. Второе измерение, в отличие от первого, уже имеет дело с самим деятелем, с оценкой его внутренних мотивов, побудивших к действию. Именно через призму второго измерения, обозначаемого *духовным*, по словам Муртазы Мутаххари, следует оценивать деяния людей с точки зрения сотериологии. При этом спасительной действенностью обладают только те добрые деяния, которые совершены в мире посюстороннем всецело ради Бога и с верой в Судный день, т. к. при таких условиях добрые деяния, по словам Муртазы Мутаххари, уже приобретают необходимый потусторонний вид [23, с. 337–345; 19, с. 50–56].

Ещё одно суждение в его анализе заслуживает внимания, поскольку касается уточнения потустороннего статуса добродейния, совершаемого немусульманином, но верующим в Бога, в частности верующим из числа «людей Писания» (*ахл ал-китāб*). Это понятие, как известно, служит общим исламским наименованием, используемым в Коране для обозначения иудеев и христиан, как обладателей священных книг – Торы, Псалтыря и Евангелия соответственно. В дальнейшем терминологические рамки категории «люди Писания» были расширены и стали употребляться мусульманскими теологами в отношении зороастрийцев [21, с. 264]. В своей теологической позиции М. Мутаххари, хотя и утверждает относительно неравные возможности в обретении спасения добрыми делами для мусульман и немусульман-монотеистов в силу того, что первые следуют исламскому посланию, а вторые не следуют, но благодаря тому, что «люди Писания» всё же веруют в единого Бога и Судный день, их добрые деяния могут быть признаны содействующими спасению, если в своей основе они исходят из благочестивого намерения [23, с. 356–360].

19, с. 59–65].

Примечательно и то, что в своем анализе Муртаза Мутаххари не обходит вниманием вопрос обсуждения ценности намерения, не связанного со стремлением к божественному, а проистекающего из гуманистических мотивов, побуждающих человека к совершению доброго дела, например по мотивам совести или из чувства сострадания или милосердия. Ссылаясь на устные традиции из шиитского корпуса хадисов, Муртаза Мутаххари допускает возможность потусторонней награды свыше для религиозного другого, включая политеистов, полагая, что они не будут подвергнуты наказанию или их наказание будет смягчено при условии, что в своей жизни они совершали добрые деяния исключительно из альтруистических побуждений [23, с. 351–356; 19, с. 59–65].

Таким образом, в своих воззрениях иранский мыслитель, хотя и допускает обсуждение условий возможного спасения для добродетельных немусульман при определенных условиях, остается приверженцем традиционной позиции, согласно которой только следование исламскому закону делает возможным обретение спасения в мире потустороннем. Тем не менее, его введение в проблему заслуживает внимания, поскольку позволяет репрезентировать современные исламские подходы к решению вопроса об исламском спасении для добродетельных немусульман. Обращает на себя внимание и тот факт, что многие размышления М. Мутаххари сегодня нередко рассматриваются в контексте проблематики религиозного плюрализма. Свидетельством тому служит издание отдельной монографии «Ислам и религиозный плюрализм» (2006) [19], теоретическую основу которой составила сотериологическая концепция Муртазы Мутаххари в отношении добродетельных немусульман.

Заключение

В мусульманской среде с самых ранних времен существовали разные мнения относительно сущности веры. Так, некоторые исламские течения и школы теологической мысли, с одной стороны, рассматривали веру и дела как единое целое (*хариджиты, мутазилиты, маликиты, шафииты, ханбалиты*), а с другой стороны – признавали роль деяний в структуре веры несущественной или второстепенной (*мурджииты, каррамиты, ханафиты*). Тем не менее, все рассмотренные нами исламские сотериологические позиции едины в том, что вера в Бога сама по себе обеспечивает спасение, но различны в понимании ее формальных составляющих, среди которых – вопрос о статусе благих поступков. Последний, выступая в качестве предмета обсуждения в контексте религиозного другого, формирует в исламском дискурсе разные мнения по вопросу спасения мусульман и немусульман не только верой, но и добрыми делами. Эти сотериологические позиции касаются обсуждения с исламских позиций вопросов вероучения и культа религиозного другого, но не ограничиваются только ими. Так, в качестве возможных условий для признания за добродеем немусульманина его спасительной действенности выделяются его обязательная приверженность монотеистической вере, наличие веры в Судный день, благочестивого или доброго намерения, побудившего человека к совершению благого (доброго) дела. Важное место в современном исламском дискурсе относительно вопроса об исламском спасении для добродетельных немусульман занимает обсуждение статуса добродеев «людей Писания» (последователи иудаизма, христианства, зороастризма), а также заявления о признании в исламе добрых трудов, невзирая на религиозный статус их деятеля. Все это предоставляет интерес для дальнейших исследований, в центре которых находится проблематика религиозного плюрализма и межрелигиозного диалога.

Литература

1. *Аш-Шахрастани, Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим*. Книга о религиях и сектах [Китаб ал-милал ва-н-нихал]. Ч. 1: Ислам / пер. с араб., введ. и комм. С.М. Прозорова. – М.: Наука, 1984. – 272 с.
2. *Ибрагим Т.К.* Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистские установки. – М.: ИД «Медина», 2015. – 576 с.
3. Ислам. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – 315 с.
4. Коран / пер. и комм. И.Ю. Крачковского. – 2-е изд. – М.: Наука, ГРВЛ. 1990. – 727 с.
5. *Мухетдинов Д.В.* Проблема всеобщего спасения в учении Рашида Риды // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2019. Т. 23, № 1. – С. 32–45.
6. *Нофал Ф.О.* Категория «вера» в классической исламской теологии. Историко-философские очерки / отв. ред. Е.С. Петриковская. – Одесса: Феникс, 2016. – 210 с.
7. *Нофал Ф.О.* Очерки по истории зайдитской мысли VII–XI вв. / отв. ред. А.В. Смирнов. – М.: Садра, 2023. – 248 с.
8. *Резван Е.А.* Коран и его мир // Т.К. Ибрагим, Н.В. Ефремова. Путеводитель по Корану: вера. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. – 608 с.
9. Священный Коран. Смысловой перевод с комментариями / гл. ред. Д. Мухетдинов. – М.: ИД «Медина», 2015. – 1888 с.
10. *Шаврина М.С.* Современные подходы к изучению исламской сотериологии // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 2. – С. 113–124.
11. *Abd Rahman M.R., Yucel S.* Faith and Good Deeds in Sunnite Schools of Thought and Deviated Sects: Revisiting the Notion of “Sunnite Murji’tes” to the Hanafites // *Al-‘Abqari: Journal of Islamic Social Sciences and Humanities*. 2019. Vol. 7. – Pp. 21–46.
12. *Al-Faruqi I.R.* Islam and Other Faiths. – Leicester, United Kingdom: Islamic Foundation, 1998. – 370 p.
13. *Badawi E.M., Halem M.A.* Arabic-English Dictionary of Qur'anic Usage. – Leiden: Brill Publishers, 2006. – 1095 p.
14. *Hoover J.A.* Muslim Conflict over Universal Salvation. Alternative Salvations: Engaging the Sacred and the Secular / ed. H. Bacon, W. Dossett, and S. Knowles. – London: Bloomsbury, 2015. – Pp. 160–171.
15. *Izutsu T.* Ethico-Religious Concepts in the Qur'an. – Montreal & Kingston; London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2002. – 284 p.
16. *Izutsu T.* The Concept of Belief in Islamic Theology. – Tokyo: The Keio Institute of Cultural and Linguistic Studies, 1965. – 260 p.
17. *Khalil M.H.* Islam and the Fate of Others: The Salvation Question. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 272 p.
18. *Mutahhari M.* Divine Justice (English and Arabic Edition). – Chicago: Kazi Publications, 2004. – 368 p.
19. *Mutahhari M.* Islam and Religious Pluralism. – London: The World Federation of KSIMC, 2019. – 120 p.
20. *Rahman F.* Major Themes of the Qur'an. – 2nd ed. – Chicago: The University of Chicago Press, 2009. – 180 p.
21. *Vajda G.* Ahl al-kitāb. The Encyclopaedia of Islam. New Edition. – Leiden: E.J. Brill, 1986. Vol. I: A–B. – Pp. 264–266.
22. *Wheeler B.M.* Good Deeds. Encyclopaedia of the Quran. – Leiden: Brill Publishers, 2002. Vol. II: E–I. – Pp. 339–340.
23. *Мутаххари М.* Ал-'адл ал-'илāхй [Божья справедливость]. – Бейрут: ал-Дар ал-

исламийя, 1997. – 416 с.

References

1. Al-Shahrastani, Muhammad ibn 'Abd al-Karim. *A Book About Religions and Sects*. Part 1: Islam. Transl. from Arabic, introd. and comm. by S.M. Prozorov. – Moscow: Nauka, 1984. – 272 p. (in Russian)
2. Ibrahim T.K. *Quranic Humanism. Tolerant-Pluralist Attitudes*. – Moscow: Medina Publishers, 2015. – 576 p. (in Russian)
3. *Islam. Encyclopedic Dictionary*. Editor-in-Charge S.M. Prozorov. – Moscow: Nauka, the Main Editorial Office of Oriental Literature publ., 1991. – 315 p. (in Russian)
4. *The Qur'an*. Trans. and comm. by I.Y. Krachkovsky. 2nd ed. – Moscow: Nauka, the Main Editorial Office of Oriental Literature publ., 1990. 727 p. (in Russian)
5. Mukhetdinov D.V. The Problem of Universal Salvation in the Teaching of Rashid Rida. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 23, N. 1. – Pp. 32–45. (in Russian)
6. Nofal F.O. *The Category of "Faith" in Classical Islamic Theology. Historical and Philosophical Essay*. Editor-in-Chief E. Petrikovskaya. – Odessa: "Feniks", 2016. – 210 p. (in Russian)
7. Nofal F.O. *Essays on Zaidit Thought in the 7th – 11th Centuries*. Editor-in-Charge A.V. Smirnov. – Moscow: Sadra, 2023. – 248 p. (in Russian)
8. Rezvan E.A. *The Qur'an and Its World* // Ibrahim T.K., N.V. Efremova. Guide to the Qur'an: faith. – St. Petersburg: The Oriental Studies of Saint Petersburg, 2001. – 608 p. (in Russian)
9. The Holy Qur'an. *Translation of Meanings with commentary* / Editor-in-Charge D. Mukhetdinov. – Moscow: Medina Publishing House, 2015. 1888 p. (in Russian)
10. Shavrina M.Sv. Modern Approaches to the Study of Islamic Soteriology. *Islamovedenie [Islamic Studies]*. 2021. Vol. 12, № 2. – Pp. 113–124. (in Russian)
11. Abd Rahman M.R., Yucel S. Faith and Good Deeds in Sunnite Schools of Thought and Deviated Sections: Revisiting the Notion of "Sunnite Murji'tes" to the Hanafites. *Al-'Abqari: Journal of Islamic Social Sciences and Humanities*. 2019. Vol. 7. – Pp. 21–46.
12. Al-Faruqi I.R. *Islam and Other Faiths*. Leicester, United Kingdom: Islamic Foundation, 1998. – 370 p.
13. Badawi E.M., Halem M.A. *Arabic-English Dictionary of Qur'anic Usage*. – Leiden: Brill Publishers, 2006. – 1095 p.
14. Hoover J.A. *Muslim Conflict over Universal Salvation. Alternative Salvations: Engaging the Sacred and the Secular*. Ed. H. Bacon, W. Dossett, and S. Knowles. – London: Bloomsbury, 2015. – Pp. 160–171.
15. Izutsu T. *Ethico-Religious Concepts in the Qur'an*. Montreal & Kingston. – London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2002. 284 p.
16. Izutsu T. *The Concept of Belief in Islamic Theology*. – Tokyo: The Keio Institute of Cultural and Linguistic Studies, 1965. – 260 p.
17. Khalil M.H. *Islam and the Fate of Others: The Salvation Question*. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 272 p.
18. Mutahhari M. *Divine Justice (English and Arabic Edition)*. – Chicago: Kazi Publications, 2004. – 368 p.
19. Mutahhari M. *Islam and Religious Pluralism*. – London: The World Federation of KSIMC. 2019. – 120 p.
20. Rahman F. *Major Themes of the Qur'an*. 2nd ed. – Chicago: The University of Chicago Press, 2009. – 180 p.

21. Vajda G. *Ahl al-kitāb. The Encyclopaedia of Islam*. New Edition. – Leiden: E.J. Brill, 1986. Vol. I: A-B. – Pp. 264–266.

22. Wheeler B.M. *Good Deeds. Encyclopaedia of the Quran*. – Leiden: Brill Publishers, 2002. Vol. II: E–I. – Pp. 339–340.

23. Mutahhari M. *Al-'adl Al-Ilahi* [Divine Justice]. – Beirut. Al-Dar al-Islamiya. 1997. – 416 p. (in Arabic)